

Анна Вежбицкая

**СЕМАНТИКА, КУЛЬТУРА И ПОЗНАНИЕ:
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ
В КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫХ КОНТЕКСТАХ***

Anna Wierzbicka. Introduction.

*In: A. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition:
Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations.*

Oxford: Oxford University Press, 1992, p.3-27.

© Anna Wierzbicka, 1992

Перевод к. филол. н. Г. Б. Крейдлина

**1. "ТОЖДЕСТВЕННЫ" В СВОЕЙ ОСНОВЕ ЯЗЫКИ
ИЛИ "РАЗЛИЧНЫ"? УНИВЕРСАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ
РЕЛЯТИВИЗМ**

Язык является средством выражения смысла. Мы думаем, чувствуем, понимаем – и с помощью языка хотим выразить свои мысли и ощущения. Хотим мы этого обычно потому, что нам бывает необходимо поделиться своими мыслями и чувствами с другими людьми, но причина может быть и иной¹. Язык также нужен нам для записи мыслей и их упорядочения. Мы ведем дневники, делаем для памяти различные записи, оставляем пометки в настольных календарях и т.п. Мы также часто клянемся и восклицаем – иногда даже тогда, когда нас никто не слышит. Общим для всех этих разных употреблений языка является не просто участие в процессе коммуникации, а передача определенного смысла².

Но если язык есть средство выражения смысла, то смысл, по крайней мере в какой-то степени, должен быть независим от языка и передаваться от одного языка к другому. Между тем это важнейшее свойство отделенности – и отделенности – смысла от языка часто отрицается учеными. Так, немецкий философ XVIII в. Иоганн Готфрид Гердер утверждал, что мышление, в сущности, идентично говорению, а потому меняется от языка к языку и от народа к народу. "Человеческий дух, – писал он, – мыслит при помощи слов" (Herder, 1877–1913, v.21, p.19). "Что такое мышление? – Внутренняя речь... Говорение – это думание вслух". Соответственно, "каждый народ... говорит так, как думает, а думает так, как говорит. Мысли не могут передаваться от одного языка к другому, потому что каждая мысль зависит от языка, на котором она формулируется" (Herder, 1877–1913, v.21, p.88).

* Данная публикация является журнальным вариантом "Введения" из монографии А. Вежбицкой. – *Прим. ред.*

¹ Руссо, вспоминая в "Исповеди" некоторые детали эпизодов своего детства, говорит: "Мне прекрасно известно, что у читателя нет большой нужды знать все это, но это я, я испытываю необходимость рассказать об этом". Принцип самовыражения здесь очевидным образом одерживает верх над принципом коммуникации.

² В этом пункте я согласна с Хомским (Chomsky, 1975 или Chomsky, 1987).

Глубокие семантические различия между языками отмечал также Вильгельм фон Гумбольдт, который считал, что разные языки являются носителями разных познавательных перспектив, разных взглядов на мир. Подобной точки зрения придерживались и такие ученые, как Э.Сепир и Б.Уорф. Другие исследователи языка – например Ноам Хомский – считают, что языки отличаются друг от друга почти исключительно своей формой. Так, Хомский рассматривает словарь всякого языка не как уникальную систему лексических единиц, полученную в результате категоризации человеком окружающего его внешнего мира, и не как готовую "форму для идей"; словарь для Хомского, по сути, не что иное, как множество ярлыков, не зависящих от конкретного языка и обусловленных не культурой, а биологией. Гумбольдт как-то заметил, что "мышление обусловлено не языком вообще, а в известной степени зависит от каждого отдельного языка" (Humboldt, 1903–36, v.4, p.2). Встает, однако, вопрос, в какой именно степени? Хомский полагает, что в весьма незначительной. В этой связи он вспоминает "проблему Платона" в формулировке Бертрانا Рассела: "Как это выходит, что люди, обычно имеющие лишь кратковременные, сугубо личные и ограниченные контакты с миром, тем не менее знают и помнят все то, что они когда-то узнали?" и пишет: "Усвоение лексических единиц также в весьма острой форме ставит перед нами проблему Платона, и мы должны признать... что понятийная база словаря и его возможности в значительной мере определяются языковой способностью человека. Отклонения от этого закона, если и возможны, то крайне редкие и малозначительные (Chomsky, 1987, p.48).

Взгляды Гумбольдта на соотношение между универсальными и культуроспецифичными аспектами языков вообще и словарей языков в частности были совершенно другими. Так, считая языки в своей основе этно- и культуроспецифичными образованиями, он видел в каждом из них большое число семантических и грамматических особенностей, определяющих национальное и культурное своеобразие языков*. Говоря о национально-языковой концептуализации реального мира и о словаре как способе фиксации результатов этого процесса, Гумбольдт, в сущности, обратил внимание на то, что лишь очень небольшое количество слов в каждом языке имеет точные смысловые эквиваленты в других языках (Humboldt, 1903–1936, v.4, p.21–23).

Прошло более ста пятидесяти лет, отделяющих высказывания Гумбольдта от размышлений над языком Хомского, и потому, казалось, можно было бы ожидать, что рассуждения Хомского будут основываться на гораздо более прочном эмпирическом фундаменте. Однако этого не случилось. Больше того, произошло прямо противоположное. Так, Гумбольдт писал: "Когда, например, в санскрите слона иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда еще и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, при том, что каждый раз имеется в виду один и тот же объект". Перед нами весьма любопытный пример, убедительно свидетельствующий о существовании лингвоспецифичных концептуализаций отдельных сторон реального мира. Напротив, примеры, приводимые Хомским и призванные продемонстрировать, как предполагал он, врожденный и не зависящий от конкретной культуры характер большинства понятий, часто кажутся весьма странными.

Хомский, в частности, утверждает, что у нас "нет ясной альтернативы гипотезе, по которой процесс усвоения словаря управляется богатой и стабильной концептуальной системой, предшествующей какому бы то ни было опыту" (Chomsky, 1987, p.22). Если исключить отсюда слово "богатой", то этот тезис, как легко видеть, согласуется по сути со взглядами Гумбольдта. Но далее Хомский продолжает: "Многие сочли этот вывод совершенно неприемлемым и даже абсурдным; во всяком случае, он, бесспорно, в корне расходится с тради-

* В этой связи уместно будет вспомнить известный тезис Уорфа о членении мира на категории посредством языка и гипотезу Сепира – Уорфа, в соответствии с которой разные языки членят мир по-разному. – *Прим. пер.*

ционной точкой зрения. Ряд исследователей, и среди них Хилари Патнэм, полностью отрицали возможность того, что человек обладает "врожденным запасом понятий", включающим такие единицы, как карбюратор или бюрократ. Даже если эта точка зрения верна, дело не в этом; куда более серьезная проблема возникает с простыми словами типа "стол", "человек", "гнаться", "убеждать" и т.д. Аргументы же самого Патнэма, касающиеся приводимых им примеров, не кажутся слишком убедительными".

Мысль о том, что даже такие понятия, как карбюратор или бюрократ, могут быть врожденными и универсальными, не следует, вероятно, воспринимать буквально³, но утверждение, что "простые слова" обозначают генетически детерминированные и не зависящие от языка понятия, было, очевидно, явно направлено на буквальное понимание. Достаточно, однако, было детально обсудить эту проблему хотя бы с несколькими людьми, владеющими по крайней мере двумя языками, чтобы обнаружить, что подобные слова не имеют точных соответствий во всех языках и, следовательно, не могут передавать врожденные и универсальные понятия.

Например, английскому слову *table* `стол` в моем родном польском языке соответствуют два слова: *stol* и *stolik*⁴. Глагол *chase* может также переводиться на польский двумя разными словами – *ścigać* `догонять` и *gonić* `гнаться` – причем оба перевода по каким-то признакам отличаются от *chase* (в первом приближении *ścigać* предполагает намерение двигаться быстрее, чем движущаяся цель, а *gonić* – намерение ее поймать). Что же касается глагола *persuade* `убеждать`, то для него в польском языке есть лишь один эквивалент – глагол *przekonać*, однако в этом случае уже польское слово имеет два смысловых эквивалента в английском, а именно, *persuade* и *convince*, по некоторым признакам отличающиеся как один от другого, так и от польского *przekonać*.

Высказанная Н.Хомским мысль, что такие английские слова, как *table*, *chase* и *persuade*, служат простыми "ярлыками" для врожденных и универсальных человеческих понятий, заставляет нас думать, что его взгляды на природу лексических универсалий основывались не на эмпирических исследованиях, а на чисто спекулятивных размышлениях. Такого рода абстрактные умозаключения неоднократно делались на протяжении ряда столетий. Настала пора заменить их систематическими экспериментальными исследованиями на широкой лингво- и культуро-типологической основе.

2. ЧТО УНИВЕРСАЛЬНОГО В ЯЗЫКЕ И МЫШЛЕНИИ?

Едва ли есть необходимость подробно останавливаться на самых крайних точках зрения на соотношение смысла и языка – одной, гласящей, что смыслы вообще не могут переводиться с одного языка на другой, и противоположной –

³ В поддержку своей идеи, что даже такие понятия, как бюрократ или карбюратор, могут быть генетически врожденными, Хомский (Chomsky, 1987, p.23) предлагает параллель из области иммунологии. "Еще до совсем недавнего времени, – указывает он, – думали, что количество антигенов настолько огромно, включая и искусственно синтезированные субстанции, которые никогда не существовали в мире, что считалось абсурдным предполагать, будто эволюцию обеспечивает «врожденный запас антигенов»; скорее, образование антигена должно быть чем-то вроде «обучающего процесса», в котором антигены выполняют роль «учителя». Однако спустя какое-то время допущение это было отброшено, и ныне повсеместно признано ложным". Что Хомский здесь не учитывает, так это то, что, в отличие от антигена, концепты сильно разнятся от культуры к культуре и от общества к обществу.

* Ср. в русском: *журнальный столик*, но не *журнальный стол*. – Прим. ред.

что смыслы полностью переводимы. Во-первых, очевидно, что весь человеческий опыт убеждает нас в возможности перевода. В частности, тексты Евангелия или отдельные их фрагменты были переведены более чем на тысячу языков мира, и если они не были переведены на все языки, то вовсе не из-за каких-то языковых сложностей. Во-вторых, столь же банальным выглядит утверждение, что переводчик всегда по необходимости "предатель" – traduttore traditore, как говорят итальянцы, и ни один честный человек не станет опровергать это мнение. Наконец, значительно более важным для нас оказывается убеждение, разделяемое всеми теми, кто является носителем двух языков и двух культур и кто живет в разных частях света, а именно, что они ведут "двойную жизнь", поскольку значения, которые они выражают в одном языке, отличаются от значений, которые они выражают в другом. Поэтому правильно поставленный вопрос должен звучать не как "Может ли смысл переводиться с одного языка на другой?", а как "В какой мере он может переводиться?". Или несколько иначе – "В какой степени языки обусловлены «биологической природой человека», а в какой – культурой?". Следовало бы, например, задуматься над тем, существуют ли в действительности смыслы, которые во всех языках мира могут выражаться отдельными словами (или, быть может, отдельными морфемами). Есть ли, скажем, в английском языке такие слова, которые бы имели точные смысловые эквиваленты во всех языках и которые по этой причине можно было бы рассматривать как "ярлыки" для обозначения врожденных и универсальных человеческих понятий?

Задача последовательного просмотра и сравнения всех слов во всех известных естественных языках является одновременно и пугающей, и, по-видимому, неразрешимой. Более, а может быть, и единственно реалистичным представляется иной подход: сформулировать некоторое количество альтернативных гипотез и проверить их. Одна гипотеза, выдвинутая Морисом Свэдешем (Swadesh, 1955), в качестве исходного пункта содержала мысль о том, что универсальность человеческих концептов, видимо, обусловлена универсальными условиями человеческой жизни и, прежде всего, едиными признаками среды обитания. Все люди знают о солнце, луне, звездах; всем известно, что такое дождь, ветер, вода и огонь. Наконец, каждый человек знаком со своим собственным телом. Таким образом, предполагалось, что понятия, которые могли бы иметь смысловые эквиваленты во всех языках, следует искать среди слов, обозначающих явления природы, таких, как солнце, луна, вода или огонь, и среди слов, обозначающих части тела человека, – уши, глаза, руки или ноги.

Между тем, по мере того как исследователи продвигались вперед в поисках универсальных, биологически детерминированных человеческих концептов, все более очевидным становилось то, что поиски эти обречены на неудачу. Разумеется, у всех людей есть голова, глаза, уши и руки, они знают о небе над головой и о земле под ногами, но люди не думают обо всех этих вещах одинаково. И язык не передает мир непосредственно: он отражает концептуализацию мира человеком, то есть обыденные, или, как говорят лингвисты, наивные представления человека о мире. В результате слова, обозначающие части тела, и слова, обозначающие окружающий нас мир, могут оказаться столь же лингвоспецифичными, сколь и слова, относящиеся к обычаям, ритуалам и верованиям. Например, в языке ацтеков восточной части Центральной Америки нет отдельного слова, которое обозначало бы бок тела человека – в нем различаются лишь грудная клетка и живот. Поэтому, когда переводчик Библии хочет сказать, что Иисуса Христа ударили копьём в бок, он должен решить, нанесен ли был удар в боковую часть ниже ребер или между ребрами, ведь общего слова для выражения значения 'бок' в этом языке нет (Nida and Taber, 1969).

Многие языки мира (например, славянские языки, ирландский, греческий, хауса и др.) обходятся одним словом для передачи тех значений, для которых английский язык использует два, а именно, hand 'рука, кисть руки' и arm 'рука от кисти до плеча'. Точно так же обстоит дело и с характеристиками окру-

жающей нас физической среды. Например, не во всех языках есть слово для передачи общей идеи ветра. Языки могут различать несколько видов ветров: `зефир`, `торнадо`, `горячие ветры с пустыни` или `ледяные ветры` – но слово, которое бы значило просто `ветер`, в них отсутствует (Nida and Taber, 1969). Не во всяком языке встречается слово со значением `облако` (в польском, например, лексически различаются обычное облако «oblok» и туча «chmura»). В ряде языков нет слова, обозначающего солнце вообще. Например, в одном из языков аборигенов Австралии – языке найавайги – есть одно слово со значением `солнце, низко расположенное в небе утром и вечером` и другое слово, означающее `горячее солнце, когда оно находится над головой`. И в том же языке мы не найдем слова со значением `луна`, зато там есть одно слово со значением `полная луна` и другое со значением `новая луна` (см. Dixon, 1980, p.104).

Известно, что в разных языках по-разному представлена наивная классификация животных и растений. В одном из языков аборигенов Австралии слово, обозначающее `птицу`, включает в себя летучих мышей и некоторых способных летать насекомых, таких, как кузнечики. В другом языке – языке вальпири – нет слова, передающего идею `животного`. В нем различаются животные, годные в пищу, и животные, не годные для таковой, поскольку одно и то же слово обозначает и `съедобных животных` и `мясо`. Точно так же в нем нет лексических средств для обозначения растений вообще, а есть лишь способ лексически обозначить растения, которые можно есть, и отдельно растения, в пищу не пригодные. Названия видов животных тоже в известной мере лингвоспецифичны. В японском языке лексически не различаются мыши и крысы: и те и другие обозначаются одним словом pezumi, которое, очевидно, не имеет смыслового эквивалента в английском. (Более подробное обсуждение этого и аналогичных примеров можно найти в работе Wierzbicka, 1990).

Из всего сказанного уже должно быть ясно, что если мы хотим найти настоящему универсальным человеческие концепты, то мы должны искать их не в окружающей нас действительности, а в своей голове. Гипотеза о том, что универсальные человеческие концепты представляют собой психические феномены, располагающиеся во внутреннем мире человеческой мысли, восходит чуть ли не к XIX в. – к великим ученым того времени, философам-рационалистам Г.Лейбницу, Р.Декарту и Б.Паскалю. Лейбниц, в частности, считал, что в мозгу у каждого появившегося на свет человека имеется определенный набор врожденных элементарных идей, которые с самого начала находятся в латентном состоянии и которые по мере накопления человеком жизненного опыта активизируются и развиваются. Эти врожденные идеи настолько прозрачны, что никакое объяснение не в состоянии сделать их для нас более ясными; напротив, мы пользуемся этими простейшими идеями, или смыслами, чтобы с их помощью эксплицировать приобретаемый нами опыт.

Лейбниц (Leibniz, 1903, p.430) называл эти элементарные смыслы "алфавитом человеческих мыслей". Все сложные мысли, или смыслы, являются результатом различных комбинаций простых, подобно тому, как слова и предложения появляются в письме благодаря различным сочетаниям букв алфавита. [...] Кодификация сложных смыслов в отдельных словах может быть разной для разных языков, поскольку каждый из них может выбрать особое, присущее только ему одному, слово для обозначения данной комбинации простых идей. Но сами "простые идеи", лежащие в основании человеческой речи и человеческой мысли, являются, по мнению Лейбница, одними и теми же для всех людей на земле⁴.

⁴ Насколько я смогла установить, Лейбниц никогда не говорил о необходимости связывать поиск универсальных человеческих понятий с поиском универсальных слов. Очень близкой проблемой, касающейся лингвоспецифичной природы сложных понятий, интересовался Джон Локк, который подробно обсуждал ее в своих "Опытах о человеческом разумении" (Локк, 1985 [1690]). Работа Локка, по всей видимости, попала в сферу внимания Лейбница, когда тот

Задачу обнаружения "смысловых атомов" Лейбниц рассматривал как трудную и требующую для своего решения много времени, однако отнюдь не неразрешимую. Путь ее решения – это путь проб и ошибок, то есть длительный и систематический поиск толкований как можно большего числа слов, с тем чтобы потом, имея широкую и разнообразную эмпирическую базу, выделить понятия, служащие строительным материалом для толкования всех этих слов. Главную линию в этом поиске определило требование, согласно которому множество простых идей должно включать в себя только те "кирпичики", которые действительно необходимы для построения всех сложных идей. То, что может быть истолковано, является концептуально более сложным и должно быть истолковано; что не может быть истолковано (без логического круга и не на пути от простого к сложному или от ясного к затемненному), не должно быть истолковано. Другого пути поиска истинного алфавита человеческих мыслей нет.

В 60-е годы программу, сходную с программой Лейбница, сформулировал польский лингвист Анджей Богуславский, который увидел в ней возможную концептуальную базу лингвистической семантики. Приняв эту программу и последовательно следуя ей, я в своей книге "Семантические примитивы" (Wierzbicka, 1972) предложила первый предварительный список элементарных человеческих концептов, полученный путем эмпирического анализа отдельных семантических областей ряда европейских языков. Список включал четырнадцать единиц: *я, ты, кто-то, что-то, это, хотеть, не хотеть, думать, представлять <себе>, чувствовать, часть, мир, говорить, стать*. С тех пор семантические исследования, опирающиеся на постулаты Лейбница, стали проводиться на широком лингвистическом материале, в том числе на материале целого ряда широкоевропейских языков, например африканских, китайско-тибетских, языков аборигенов Австралии и др.

Расширение эмпирической базы подсказало идею о том, что поиск "алфавита человеческих мыслей" должен быть соединен – непосредственно и эксплицитно – с поиском лексических универсалий, то есть понятий, лексикализованных (в виде отдельных слов или морфем) во всех языках мира. По мере расширения фронта поисков и совершенствования теоретического анализа отдельных семантических областей ряда европейских языков, например африканских, китайско-тибетских, языков аборигенов Австралии и др.

Расширение эмпирической базы подсказало идею о том, что поиск "алфавита человеческих мыслей" должен быть соединен – непосредственно и эксплицитно – с поиском лексических универсалий, то есть понятий, лексикализованных (в виде отдельных слов или морфем) во всех языках мира. По мере расширения фронта поисков и совершенствования теоретического анализа отдельных семантических областей ряда европейских языков, например африканских, китайско-тибетских, языков аборигенов Австралии и др.

Сегодня я считаю, что из четырнадцати единиц, входивших в список 1972 года, десять подтвердили свое право в нем остаться – это *я, ты, кто-то, что-то, это, говорить, хотеть, не хотеть* (или: *нет*), *чувствовать* и *думать*. К ним, как я ныне убеждена, нужно добавить еще три элемента – *знать, где и хороший*. Из других возможных кандидатов, проходящих в настоящее время всестороннюю проверку, назову такие элементы, как: *когда, мочь, любить* (нравиться), *тот же самый, что-то вроде, после, делать, случаться, плохой, весь* (все), *потому что, если и два*. Четыре единицы из старых кандидатов, входивших в начальный список, – *часть, стать* (становиться), *представлять <себе>* и *мир* – мы в настоящее время считаем кандидатами весьма условно, хотя пока еще не можем их с полной определенностью отбросить.

Список приведенных здесь гипотетических семантических примитивов на самом деле представляет собой не просто множество отдельных единиц, а миниатюрный язык со своими грамматическими категориями и своим синтаксисом. Так, единицы `я`, `ты`, `кто-то` и `что-то` образуют вместе нечто вроде класса имен, "слова" `это` и `тот же самый` (или `другой`) можно рассматривать как аналог детерминативов, `хороший` и `плохой` – как аналог прилагательных, а `думать`, `говорить`, `хотеть` и `знать` – это типичные глаголы и т.д. Я предполагаю, что "фразы" в этом языке имеют вид простых предложений типа *Я думаю это* (так), *Я хочу это, Ты делаешь это, Это случилось, Этот человек*

работал над своими контрольными (Лейбниц, 1983 [1705]), однако Лейбниц решил сконцентрироваться на других аспектах сочинения Локка.

сделал что-то плохое, Что-то плохое случилось из-за этого. В целом проблема обнаружения "грамматики человеческих мыслей", безусловно, не менее важна, чем проблема обнаружения словаря. Однако по причинам недостатка места я опускаю здесь ее обсуждение (некоторые аспекты этой проблемы были подробно рассмотрены нами в работах Wierzbicka, 1988а, 1991 и др.).

Я полагаю, что установление окончательного набора универсальных атомов смысла ("алфавита человеческих мыслей") является чрезвычайно актуальной и неотложной задачей лингвистической семантики, решение которой будет иметь очень важные последствия не только для лингвистики, но и для теории познания и культурной антропологии – ведь вне универсальных, "не зависящих от культуры" исследовательских рамок невозможны ни тщательный анализ, ни сравнение значений, закодированных в языке и получающих в нем свое выражение.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

3.1 Поиск примитивов

Если универсальное множество человеческих концептов существует, то можно ли узнать, что оно собой представляет? И если у нас будет несколько альтернативных множеств, то сможем ли мы обосновать выбор того из них, который нам кажется ближе к истине?

Исследователи языка и мышления нередко предлагали свои, равно правдоподобные списки кандидатов. Любопытно, что сомнения по поводу того, возможно ли вообще составление такого списка, исходили, как правило, от теоретиков, никогда не занимавшихся эмпирическим поиском универсальных человеческих концептов. Тем же, кто вел такие поиски, хорошо известно, что, во-первых, несколько кандидатов на роль атомарных концептов предложить не так уж трудно – гораздо сложнее обосновать и подтвердить свой выбор, а во-вторых, что опасность существования нескольких списков, по крайней мере на нынешней стадии исследования, является мифом. В настоящей работе элементарность каждого из предлагаемых понятий обосновывается с помощью двух независимых и полученных чисто эмпирическим путем признаков: (1) роли, которую данное понятие играет в определении других понятий, и (2) круга языков, в которых данное понятие лексикализовано. Так, понятие, обозначаемое словом "говорить", используется, помимо всего прочего, для определения сотен глаголов речи, таких, как *спрашивать*, *требовать*, *извиняться*, *проклинать*, *бранить*, *убеждать* и *критиковать* (Wierzbicka, 1987). Слова типа "гнаться" или "убеждать", напротив, не столь уж часто употребляются при толковании других слов. Далее, известно, что концепт, передаваемый посредством глагола "говорить", имеет точные однословные смысловые эквиваленты в огромном количестве других языков; фактически, мы не знаем ни одного естественного языка, где бы не было слова, обозначающего этот концепт. С другой стороны, слова, подобные *гнаться* или *убеждать*, являются в высшей степени лингвоспецифичными, и остается под вопросом, имеют ли они точный эквивалент хотя бы в каком-нибудь одном языке (во всяком случае, крайне сомнительно, чтобы они имели таковые во всех языках мира). Комбинация указанных двух признаков, определяющих разрешающую силу и универсальность языка элементарных понятий, обеспечивает возможность все-сторонней проверки на опыте различных теоретических гипотез и придает выдвинутой научной программе в высшей степени эмпирический характер.

Когда великие мыслители XVII в. (прежде всего Р.Декарт) впервые сформулировали гипотезу о существовании множества врожденных человеческих концептов, они предложили два критерия их выделения: (1) эти концепты должны быть интуитивно ясными и самоочевидными, и (2) они не должны

быть представимы ни через какие другие концепты. Так, было заявлено, что нельзя дать определение мышлению (в частности, понятию cogito `я мыслю`) и что всякая попытка это сделать может привести лишь к еще большей неясности и путанице; к тому же нет никакой необходимости определять это понятие, поскольку смысл его нам интуитивно ясен. Требования Декарта, однако, оказались недостаточно операциональными. Во-первых, далеко не всегда очевидно, разложимо ли (без логического круга и не затемняя картину) данное понятие на более простые или не разложимо, а во-вторых, очень непросто установить, является ли оно ясным и не требующим разъяснений в той мере, в какой может только быть человеческое понятие.

К двум критериям Декарта Лейбниц добавил третий, который оказался более полезным на практике. Речь идет о том, что простейшие понятия, составляющие алфавит человеческих мыслей, должны быть не просто самоочевидны и неразложимы, но в качестве строительных кубиков должны также принимать самое активное участие в создании других, более сложных понятий. Именно этот критерий привел Лейбница к масштабным лексикографическим экспериментам: для того чтобы понять, какие концепты способны служить базой для построения других концептов, нужно было испытать их в составе многочисленных пробных словарных дефиниций.

Недавно к этим трем критериям, доставшимся нам в наследство с XVII в., мы добавили еще два: (4) требование, чтобы претенденты на роль врожденных и универсальных человеческих понятий хорошо проявили себя в разворачиваемой широкой практической работе с разнообразными по структуре языками мира, генетически и культурно далеко отстоящими друг от друга, и (5) требование, чтобы понятия, доказавшие свою способность служить исходным материалом для построения семантических определений, подтвердили также свое право называться лексически универсальными, то есть чтобы они имели "собственные имена" во всех языках мира.

Из кандидатов, которые рассматривал еще Лейбниц, одни (например, `я` и `этот`) удовлетворяют данному критерию, другие (например, `понимать`) – нет. Следует отметить, что критерий "универсальности слова" (или морфемы) абсолютно независим от возможности быть универсальным "элементарным концептом", и можно думать, что лишь очень немногие концепты удовлетворяют обоим критериям: по всей вероятности, таких слов не более четырех десятков*. Я говорю здесь "слов" лишь для простоты; в действительности я имею в виду лексические эквиваленты любого рода, как большие, так и меньшие, чем слово. В японском, например, говоря не вполне строго, есть две единицы, соответствующие английскому слову want `хотеть`, – прилагательное hoshii и связанная морфема tai, – и в настоящее время не вполне ясно, какую из единиц следует рассматривать как смысловой эквивалент want. Аналогично в языке чичева эквивалентом английского слова good `хороший` тоже является часть слова, точнее, связанная морфема, однако это обстоятельство никоим образом не дискредитирует смысл `хороший` как кандидата в возможные лексические универсалии (Hill, 1987, p.99). В языке мангап мбула на территории Новой Гвинеи (по данным Р.Бугенхагена) один и тот же глагол so обозначает и `говорение` и `желание`. Этот языковой факт мог бы служить опровержением того, что и `говорить` и `хотеть` являются лексическими универсалиями, если бы в этом языке не было других способов выразить данные понятия. Между тем по крайней мере один такой способ есть: можно считать, что слово so означает на самом деле `говорить` (а не: `говорить/хотеть`), тогда как другое слово, lele-ра, означает только `хотеть`. Последнее состоит из двух отдельных, легко распознаваемых слов, но может рассматриваться как одна лексическая единица, выражающая семантический примитив `хотеть`. Наличие гипотетических семантических примитивов, реализую-

* В оригинале буквально: трех дюжин. – Прим. пер.

щихся в языке посредством лексических единиц, больших, чем слово, можно проиллюстрировать примерами из английского языка. Так, элементы, которые мы ранее обозначили как part `часть` и place `место`, на самом деле по-английски более полно передаются сочетаниями слов (X) is a part of (Y) `(X) есть часть (Y)` и (X) is in place (P) `(X) находится в месте (P)`. (Смыслы `находиться где-либо` и `быть частью чего-либо` при анализе не членятся на, соответственно, `находиться` и `где-либо` и `быть`, `часть` и `что-либо`.)

3.2. Проблема многозначности

В отличие от поиска смысловых атомов, поиск лексических универсалий может показаться чисто эмпирической задачей, причем хотя и трудоемкой, но, в общем-то, бесхитростной. В действительности, однако, факт наличия или отсутствия слова, выражающего данное понятие, не может быть установлен простым просмотром или еще каким-то механическим путем. Хотя поиск лексических универсалий ведется эмпирически, он с необходимостью включает в себя теоретико-аналитический компонент.

Прежде всего это касается проблемы полисемии, или многозначности. В качестве универсальных семантических примитивов я предложила элементы you `ты, вы` и I `я`, но под you я имела в виду скорее you ед. числа, т.е. `ты`, а не you мн. числа, `вы`. И не нужно идти дальше современного английского языка, чтобы понять, что перед нами именно тот язык, в котором, по-видимому, нет слова, обозначающего thou, то есть you ед. числа. Чтобы утверждать, что элемент thou является лексически универсальным, нам бы пришлось постулировать полисемию слова you: (1) you ед. числа и (2) you мн. числа. На первый взгляд такое решение выглядит малопривлекательным, однако, как мне представляется, существует ряд убедительных доводов в его пользу.

Полисемия – это факт жизни, и не случайно она свойственна основным, повседневному, словам. Многозначным, например, является слово "сказать", и значения его распределены между абстрактным значением, не учитывающим физический способ выражения речи (как во фразах "Что он сказал в своем письме?" или "И сказал глупец в сердце своем: Бога нет"), и более конкретным значением, относящимся лишь к устной форме речи. Слово "знать" тоже многозначное и имеет два значения, различающиеся во французском языке как savoir и connaitre, а в немецком – как wissen и kennen (ср. "Я знаю, что это неправда" и "Я знаю этого человека").

Разумеется, полисемию не следует каждый раз постулировать с поспешной легкостью: введение ее всегда должно подкрепляться определенными <внутри>языковыми соображениями. Но насколько необдуманным было бы необоснованное введение в словарь полисемии, настолько же неразумным было бы догматически и априорно отвергать ее. Что же касается английского you, то я полагаю, что его многозначность можно обосновать наличием языковых форм yourself `тебя, ед. число` и yourselves `вас, мн. число`. Выбор между этими формами обусловлен выбором между you, ед. число и you, мн. число (ср. You must defend yourself – `Ты должен защищать себя` и You must defend yourselves – `Вы должны защищать себя`).

3.3. Семантическая эквивалентность против прагматической

Точно так же, как есть ученые, которые, подобно обыкновенным людям, знающим лишь свой родной язык, считают, что большинство слов данного языка имеет точные смысловые эквиваленты в других языках, встречаются ученые, полагающие, что слово в языке не может иметь точного соответствия не то чтобы во всех, а даже просто во многих языках мира. Так, они говорят, что есть языки, в которых нет ни личных местоимений, ни слов со значением `ты` или `я`, и в качестве примера такого языка иногда приводят японский; однако это явное заблуждение. Все дело в том, что культурная традиция вынуждает людей, говоря-

щих на японском языке, избегать использования в речи личных местоимений. Считается вежливым, если говорящий не выражает значений `ты` и `я` эксплицитно, и японскому языку пришлось развить в себе богатую систему средств, позволяющую его носителям передавать значения `ты` и `я` косвенно и при этом не порождать ситуации непонимания. Например, в японском есть так называемые гонорифические глаголы, или глаголы "почтения", которые никогда не употребляются по отношению к говорящему, и есть "самоуничжительные" глаголы, никогда не употребляющиеся по отношению к адресату. Одного появления такого глагола в тексте часто бывает достаточным для идентификации лица, о котором идет речь, что делает прямое словесное выражение значений `ты` и `я` избыточным. Однако слова, обозначающие `ты` и `я`, существуют и могут быть использованы всегда, когда это желательно или необходимо.

Верно также и то, что многие языки, в особенности языки юго-восточной Азии, выработали разнообразные и весьма изощренные средства для выражения значений `ты` и `я` и что во многих ситуациях правильнее использовать как раз одно из таких средств, а не самое элементарное, самое простое личное местоимение. Так, например, в вежливой беседе на тайском языке употребление основных слов для `ты` и `я` будет воспринято как оскорбительно грубое и абсолютно неадекватное. Вместо них следует использовать различные самоуничижительные выражения для `я` и "почтительные" для `ты`. Многие языковые выражения, означающие `я`, непосредственно соотносятся с волосами говорящего, с макушкой его головы, с верхней ее частью и т.п., а многие из выражений, означающие `ты`, указывают на ноги адресата, на ступни ног и даже на пыль под его ногами: этим говорящий хочет подчеркнуть, что он ставит на один уровень самую ценную и уважаемую часть своего тела – голову – и самую низкую и наименее почтенную часть тела адресата – ноги (ср. Cooke, 1968). Однако все это не означает, что в тайском языке нет личных местоимений, нет основных слов для выражения значений `ты` и `я`.

Язык может также не проводить различий, аналогичных тем, которые имеют место между словами "он" и "она". Действительно, во многих языках, например, в турецком, для `он` и `она` есть лишь одно слово, не дифференцирующее пол, но нам не известен язык, где не проводилось бы различие между говорящим и адресатом речи, например между `ты` и `я`. Сказанное, впрочем, не означает, что круг употреблений слов для `ты` и `я` во всех языках один и тот же. Так, тайское слово *chan*, которое тайско-английские словари переводят как `я`, имеет несравнимо более узкую сферу употребления, чем его английский переводной эквивалент. В устах женщин применимость *chan* ограничена кругом близких друзей и подруг, оно указывает на высшую степень близости и неформальности отношений. Напротив, когда это слово используют в речи мужчины, оно выражает превосходство, грубость, неуважение к адресату. Между тем, поскольку помимо `я` не существует постоянных семантических элементов, которые можно было бы во всех контекстах приписывать слову *chan*, столь жесткие ограничения на его употребление следует отнести на счет культурных, а не семантических факторов. В обществе, где обращение к другому лицу во многих ситуациях сопровождается языковыми выражениями, свидетельствующими об унижении, покорности или более низком статусе, простое "я" оказывается прагматически отмеченным и должно интерпретироваться либо как очень интимное, либо как очень грубое.

Эту прагматическую отмеченность, однако, не следует смешивать с легко подтверждаемой семантической сложностью. Так, в японском имеется много разных слов, соответствующих английскому *you*, но сфера употребления каждого из них отличается от сферы употребления *you*. Тем не менее я утверждаю, что одно из этих слов, *kimī*, можно считать семантическим эквивалентом *you*. Первоначально *kimī* имело значение "правитель, суверен" и, видимо, выражало почтительное или уважительное отношение к человеку, однако в современном япон-

ском языке никакого постоянного и легко распознаваемого концепта отношения, стоящего за этим словом, уже нет. "Женщины употребляют слово *kimī* только применительно к близким людям или к людям, имеющим более низкий статус, а мужчины – когда говорят с незнакомыми людьми, причем в любой ситуации" (Russel, 1981, p.120). Круг употреблений *kimī* отличен от круга употреблений *uou*, но это становится вполне объяснимым и имеющим вполне определенный смысл, если считать, что слово *kimī* равнозначно *uou* ед. числа, то есть "ты", и что японские женщины всегда выказывают уважение к людям равного или более высокого статуса, с которыми их не связывают интимные отношения.

Впрочем, как бы мы ни относились к предшествующим рассуждениям, наша цель – поиск настоящих семантических универсалий, а не аппроксимаций. Так, например, утверждение, что в гидабальском диалекте языка бандьяланг в Австралии нет точного семантического эквивалента для английского слова *this* `это`, потому что ближайший эквивалент – *gaɔa* – означает не только дейктическое указание, но и `видимость`, потенциально представляет серьезный контраргумент нашему предположению, что `это` является лексически универсальным концептом. Важно здесь не столько то, что гидабальское слово *gaɔa* употребляется в контекстах, несколько отличных от тех, в которых употребляется *this*, а то, что разница в употреблении этих слов, по-видимому, вызвана определенным смысловым различием: ср. `это` (в английском) vs. `это, которое я могу увидеть` (в гидабале).

При более тщательном анализе, однако, оказывается, что это скорее мнимый контрпример, нежели подлинный. обстоятельное, надежное исследование языка бандьяланга (см. Crowley, 1978) ясно показывает, что так называемое визуальное указательное местоимение является здесь немаркированным элементом и что в этом языке есть другое, маркированное, так сказать "невидимое", указательное местоимение. Ближайший эквивалент слову *this* в языке бандьяланга означает не `это, которое я могу увидеть`, а просто `это` (см. также Holmer, 1971). Различия в употреблении часто можно объяснить факторами, не имеющими семантической природы, но наличие определенного и ясно выраженного семантического различия несовместимо с утверждением о том, что две лексические единицы имеют одно значение. Опыт, впрочем, учит нас, что сообщения о якобы имеющихся смысловых различиях далеко не всегда можно принимать на веру.

3.4. Зачем стремиться к минимизации множества примитивов?

Последний вопрос, на котором мы хотели бы остановиться в связи с поиском множества предположительно универсальных семантических примитивов, касается его размеров. Как спрашивал Джордж Миллер (Miller, 1978), зачем нам нужно непременно гнаться за минимальным множеством гипотетических примитивов? Его собственный ответ (чем меньше постулируется единиц, тем меньше вероятность ошибки) не лишен здравого смысла, хотя, как мне представляется, суть дела в ином: только минимальной набор примитивов дает нам возможность объяснить все семантические отношения, конституирующие структуру словаря. Если даже одна-единственная семантическая молекула останется непроанализированной и будет отнесена к разряду атомов, то отношения между нею и многими другими лексическими единицами с необходимостью останутся необъясненными.

Яркой иллюстрацией всех недостатков, которые несет в себе большой метасловарь, может служить Словарь современного английского языка Лонгмана (LDOCE, 1978), составители которого вынашивали весьма честолюбивые замыслы. В свое время это был действительно новаторский по замыслу словарь, основу которого составил "контролируемый" лексикон, включающий в себя две тысячи единиц, а все остальные слова, помещенные в словарь, толковались через термины лексикона. Однако из-за огромного количества неопределяемых слов в этом лексиконе отношения между такими, к примеру, словами, как *request* `просить`, *demand* `требовать`, *order* `приказывать` и *command* `коман-

довать, остались вообще непроясненными, поскольку все эти слова были включены в базовый лексикон. Но и слова, не попавшие в этот лексикон, также не могли быть удовлетворительно истолкованы, потому что большие семантические молекулы типа `просить` или `требовать`, получившие статус примитивов, были чересчур крупными единицами, чтобы с их помощью можно было дать толкование таким словам (не вошедшим в основное множество), как *urge* `побуждать`, *persuade* `убеждать` или *appreal* `обращаться, взывать`.

Если мельчайшие смысловые компоненты необходимы для семантических сопоставлений внутри одного языка, то еще в большей степени они нужны для семантических сравнений слов разных языков. Например, мы можем сравнивать между собой глаголы речи разных языков, только представив их значения в виде конфигураций, включающих в себя небольшое число простых элементов типа `хотеть`, `думать` или `знать`. Неправильным было бы включать в структуру толкования всех этих глаголов большее число смысловых компонентов по одной только причине, что все подобные непростые понятия, как правило, лингвостецифичны. Лишь очень немногие и притом самые простые понятия имеют шанс попасть в общее лексическое ядро всех языков. В свою очередь, сравнительные семантические исследования невозможно проводить, не опираясь на ядерные понятия, и проблема состоит в том, как их найти. Лишь гипотетическое множество смысловых атомов, установленное путем тщательного семантического анализа одного конкретного языка, может реально претендовать на то, чтобы быть множеством семантических эквивалентов во всех остальных языках мира. (Я хочу особо подчеркнуть здесь слово "семантических", чтобы отделить семантические эквиваленты от абсолютных, на обнаружение которых вообще рассчитывать не приходится; см. раздел 3.3.)

4. ЕСТЕСТВЕННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК

Вряд ли нужно говорить о том, что читатель, конечно, имеет полное право выразить свое скептическое отношение ко всем выдвигаемым здесь основным принципам. Он может заявить, что ему ничего не известно о существовании "универсальных слов", и пусть даже они существуют, он все равно не знает, есть ли неопределяемые слова, с помощью которых толкуются все остальные языковые единицы; и даже если такие слова и есть, неизвестно, можно ли их каким-то образом распознать среди других лексических единиц. Более того, читатель вправе сказать: пускай имеется множество примитивов и множество толкуемых через них понятий и даже пускай есть множество универсальных слов; я тем не менее не знаю, будут ли первые непременно соответствовать последним, т.е. не знаю, существует ли такое множество концептов, которое бы одновременно удовлетворяло обоим сформулированным вами принципам.

В ответ на подобный скепсис я бы, однако, ответила, что, даже если бы такого множества не существовало, его следовало бы выдумать; ведь без универсального, не ориентированного на какую-то конкретную культуру, так сказать, культурно-свободного семантического метаязыка нельзя ни строго описать языковые значения, ни сравнивать их. Для определения внутриязыковых значений нам нужно иметь набор гипотетически простых и нечленимых понятий, а для определения межъязыковых и межкультурных различий нам необходимо множество кандидатов на роль универсальных слов. Понимание возможно лишь до той поры, пока мы можем с уверенностью полагаться на множество самоочевидных неопределяемых понятий. Как писал Лейбниц, "нельзя вообще понять ничего, если нет чего-то, понятного самого по себе" ("*si nihil per se concipitur, nihil omnino concipietur*"), и мы способны понимать другие языки и другие культуры, только если опираемся на общие, разделяемые всеми языками и культурами универсальные понятия. Чтобы прояснить значения, закодированные в других языках, нам необходим "естественный" семантический метаязык, по возможности мак-

симально универсальный и максимально приближенный к языку самоочевидных смысловых атомов.

В современной лингвистической литературе неоднократно предпринимались попытки представить значения в терминах различных искусственных символов, признаков, маркеров и т.п. Я думаю, что все такие попытки фундаментально, неискоренимо порочны и потому с самого начала обречены на провал. Ведь все искусственные символы тоже должны быть объяснены, а чтобы объяснить их, нам понадобятся снова какие-то символы и т.д., пока не дойдем до уровня самоочевидных знаков. Искусственные же языки никогда не бывают самоочевидными; все эти "маркеры" и "признаки" не могут подвести к истинному пониманию, поскольку, как отмечал еще Льюис, "можно знать перевод какого-то английского предложения на язык признаков, не зная его изначального смысла". И только внутри самого естественного языка есть очень небольшое число слов, которые можно признать самоочевидными.

Вместе с Декартом и Лейбницем я тоже верю, что существуют слова, которые, как шары на рождественской елке, проливают свет на другие слова. Но даже если бы таких абсолютно ясных и проясняющих другие единицы слов не было, пришлось бы, несомненно, признать, что одни слова языка в большей степени, чем другие, обладают этим свойством. Например, слово "человек" гораздо ближе стоит к "самопонятным" словам, чем слово "одушевленный", "это" ближе к примитивам, чем "дейктический", "думать" – чем "познание", "делать" – чем "агентивность", "сказать" – чем "локуционный" и т.д. Аналогично, если бы даже не существовало никаких абсолютно "универсальных слов", едва ли можно сомневаться в том, что одни слова "более универсальны", чем другие. Являются ли такие слова, как "человек", "это", "думать", "сказать", "хотеть" или "делать", абсолютно универсальными или нет, – для них можно найти точные смысловые эквиваленты в огромном количестве языков мира, и в этом отношении данные слова, конечно, отличаются от слов типа "одушевленный", "дейктический" или "деонтический".

Если мы хотим, чтобы нас понимали, если мы хотим уметь объяснять, что люди говорят и что при этом имеют в виду, то независимо от того, можем мы или нет найти понятия, которые были бы исчерпывающе ясными, по-настоящему простыми и подлинно универсальными, мы должны выявить множество слов, которые были бы максимально ясными, предельно простыми и в наивысшей степени универсальными. Если бы мы не смогли обнаружить "алфавит человеческих мыслей", мы должны были бы его сконструировать.

Думаю, что наилучшая стратегия поиска подобного "алфавита" (если таковая существует) заключается в том, чтобы попытаться его построить, или, точнее, построить ряд последовательных к нему приближений и опробовать их на материале самых разных языков и культур. В основе естественного семантического метаязыка, который был создан и испытан мною и моими коллегами в этой и других работах, лежало именно это предположение⁵.

⁵ Следует подчеркнуть, что работа над построением предлагаемого естественного семантического метаязыка еще далека до завершения. Прежде чем будет найдено что-то вроде самой оптимальной версии такого языка, нужно проверить множество предварительных вариантов. К тому же вопрос об "оптимальном" семантическом языке не является простым. То, что может быть оптимальным для одной цели, часто оказывается совсем не идеальным для другой. Следует различать по крайней мере два разных уровня "оптимального" семантического метаязыка. С чисто семантической точки зрения оптимальный семантический метаязык является минимальным языком, то есть языком, словарь которого не содержит ничего, кроме минимального числа единиц, необходимых для отображения семантических отношений, и чей синтаксис содержит единственно лишь минимальное число ядерных грамматических конструкций, которые, как считал

Попытка всякий раз предъявить множество кандидатов в универсальные семантические примитивы тотчас же вызывает желание поискать опровергающие контрпримеры. Принятие вызова в случае, если эти примеры "проходят", означает лишь, что следует продолжать поиск до тех пор, пока не будет найдено множество, способное выдержать все удары и не рухнуть под тяжестью испытаний. Однако, пока гипотетическое множество примитивов не проверено на практике, нет смысла даже искать теоретические доказательства, подтверждающие его адекватность. Абстрактные теоретические размышления на тему семантических примитивов могут оказаться полезными лишь при попытках найти каких-то подходящих кандидатов. Но само множество гипотетических примитивов – это не более чем исходный пункт поиска. "В любом случае для того, чтобы определить, какие концепты должны быть признаны когнитивными атомами, из которых строятся все остальные концепты, требуется тщательный анализ самой разнообразной лексики" (Miller, 1978, p.76). И это высказывание прямо перекликается с мнением Лейбница: "Смысловые атомы увидеть не так-то просто; единственный способ распознать их – это поступить с ними так же, как мы поступаем с числами, желая узнать, простые они или нет, а именно, попытаться их разложить" (Leibniz, 1903, p.187).

5. ПРЕДЕЛЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ

Я полагаю, что лексикографические эксперименты на большом по объему и разнообразном материале, проводимые в течение двух последних десятилетий мною и моими коллегами, подтверждают выдвинутую еще в самом начале моих исследований гипотезу (Wierzbicka, 1972), что фонд элементарных человеческих понятий весьма ограничен и что, по всей вероятности, в нем содержится не более сорока единиц. Не исключено, что "универсальных слов" несколько больше. Например, Берлин и Кей (Berlin and Kay, 1969) представили ряд фактов, свидетельствующих о том, что во всех или почти во всех языках мира можно встретить слова, обозначающие два основных цвета, черный и белый (или, быть может, темный и светлый), и что, хотя слова эти не являются неопределяемыми (ср. Wierzbicka, 1980, p.42–44), они, скорее всего, являются универсальными. Я уже как-то писала (Wierzbicka, 1987b), что, по-видимому, во всех языках имеются слова, обозначающие отца и мать; эти слова не атомарные, но тем не менее тоже универсальные. Едва ли, впрочем, можно сомневаться в том, что в словаре каждого языка подавляющее большинство единиц в той или иной мере лингвоспецифичны. [...]

Эмпирический анализ различных языков мира говорит о том, что их словари полны "абсолютно чуждых нам понятий". Например, русские слова "душа" и "судьба" совершенно чужды англоязычному говорящему. Я полагаю, что значения этих слов, существенных для понимания русской культуры и русского национального характера, все-таки можно выразить на английском языке. Однако никакое понимание этих столь важных и специфичных для данной культуры слов невозможно, если с самого начала не осознать, что они "нам несвойственны".

Но если каждый язык имеет свое собственное множество лексикализованных понятий и предлагает свою собственную категоризацию и интерпретацию мира,

Гумбольдт (Humboldt, 1963, Bd.3, S.16), являются общими для всех языков мира. С практической точки зрения, однако, миниязык, основанный исключительно на "алфавите человеческих мыслей" и на связанной с ним миниграмматике, далек от идеального, потому что записанные на этом языке семантические формулы необходимо являются очень длинными и трудно читаемыми. Желая, чтобы семантический язык был удобочитаемым и понятным, исследователь должен использовать в этих целях менее радикальные версии данного языка (ср. Apresjan, 1980 и Wierzbicka, 1988b).

то тогда и в самом деле каждый язык – это особый "путеводитель по действительности" (ср. Sapir, 1949, p.162). И если большинство лингвистов все же не выглядит "помешанными на гипотезе Уорфа", как было написано в журнале "Нью Йоркер" от 30 марта 1987 г., то это не потому, что у них есть какие-то аргументы в пользу противоположной гипотезы, а потому, что еще до недавнего времени в их распоряжении не было никаких средств, которые позволяли бы проводить строгое сравнение понятийных систем, содержащихся в словарях разных языков (да, в сущности, и в грамматиках тоже; см. Wierzbicka, 1988a). Теперь же наличие естественного семантического языка, построенного на гипотетических лексических универсалиях, делает такое строгое сравнение вполне возможным.

Каждый, кто когда-либо предпринимал подобное сравнение лексических систем (а я это делаю как в настоящей книге, так и в других своих работах), должен, по всей видимости, прийти к заключению, что словари различных языков действительно располагают разными универсальными наборами понятий, а потому не все, что может быть выражено на одном языке, может быть выражено (без добавлений и пропусков) на другом – и дело тут не только в том, что некоторые вещи легче сказать на одном языке, чем на другом. У нас есть достаточно веские причины считать, что во всех языках мира имеются слова для обозначения основных человеческих понятий и все, что вообще может быть выражено, может быть выражено путем правильного соединения этих понятий. В этом – и только в этом смысле – все, сказанное на одном языке, переводимо без потери смысла на другие языки. Сложные понятия и понятия, типичные именно для данной культуры, вроде тех, что скрыты за русскими словами "душа", "судьба" или "гласность", должны быть истолкованы в терминах основных понятий, а уже сами толкования могут быть переведены на какие угодно языки. Можно считать, что в результате такого перевода каждый раз получаются предложения естественного семантического языка, в принципе понятные его носителям. Однако каждое такое предложение представляет собой семантическую формулу стандартизованного и неидиоматичного метаязыка, которая не может отражать естественный язык во всем его богатстве и уникальности. Указанное различие между естественным языком и сконструированным на его основе естественным семантическим метаязыком задает пределы точной переводимости. [...]

В естественном языке смысла нельзя полностью отделить от способов его выражения, между тем как в естественном семантическом метаязыке "что" может быть отделено от "как". Поэтому-то использование семантического метаязыка и позволяет проводить сопоставление значений слов в различных языках и культурах и, в частности, показать, в какой высокой степени большинство значений зависит от культуры. В каждом языке существуют не только, так сказать, "одноэлементные слова" из "алфавита человеческих мыслей", выражающие основные понятия; в нем имеется весьма широкий репертуар средств для обозначения сложных понятий: это – "многоэлементные слова", составляющие культуроспецифичные конфигурации элементарных строительного блоков и дающие ключ к пониманию способов мышления, свойственных данной культуре. Едва ли стоит говорить о том, что я отнюдь не утверждаю, будто отсутствие какого-то слова в языке свидетельствует об отсутствии в нем соответствующего понятия или о невозможности его сформировать. Однако наличие слова несомненно доказывает присутствие в языке такого понятия и, более того, говорит о его значимости в данной культуре. [...]

Разрабатываемый естественный семантический язык помогает объяснять не только значения слов, но также значения синтаксических и морфологических конструкций. Грамматические конструкции тоже имеют свою семантику, меняющуюся от языка к языку и от культуры к культуре (ср. Wierzbicka, 1988a).

Естественные языки – это самое лучшее зеркало человеческого разума (Лейбниц, 1983); только на пути анализа естественных языков можно обнару-

жить "алфавит человеческих мыслей", то есть основные концептуальные структуры, которыми оперируют люди. Языки – это и самое лучшее зеркало человеческих культур; именно через посредство словарей естественных языков мы обнаруживаем и распознаем конфигурации, специфичные для культур разных народов мира. [...]

6. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ "НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ"?

Несмотря на все заверения приверженцев концепции универсализма, далеко не каждый смысл, который можно передать по-русски, может быть выражен по-английски, и наоборот (как писала русский поэт М.Цветаева, "иные мысли на ином языке не мыслятся"). Однако любое высказывание можно перевести на естественный семантический метаязык в его русской, английской или какой-либо другой, построенной на базе естественного языка версии. Очевидно, что это равносильно утверждению, что каждое слово, отличное от слов основного "алфавита", может быть истолковано.

Имеющее давнюю традицию предположение о возможности семантического определения всех лексических единиц языка недавно подверглось серьезным испытаниям. Многие лингвисты, философы и психологи стали высказывать сомнения в истинности этого допущения, пытаясь к тому же обставить свой пессимизм и отчаяние на сей счет как некую новую и высшую мудрость. Например, Дж.Лайонз (Lionz, 1981, p.56) начинает обсуждение этой проблемы со строк из "Гамлета": "...в чем и есть безумье, как именно не в том, чтоб быть безумным" (действие 2, сцена 2, пер. М.Лозинского), а затем, после некоторого размышления над значением конкретных слов типа "стол" и "стул", замечает: "В целом проблема толкования гораздо сложнее – и гораздо интереснее – чем это многим кажется. Было бы безумием толковать не только "безумство", но и вообще какое бы то ни было слово". И далее он заключает: "Мы пришли к окончательному выводу, что большинство обиденных слов, то есть слов, обозначающих естественные и культурные классы, неизбежно являются в какой-то мере неопределенными по смыслу и, следовательно, по теоретически весьма любопытным причинам, они не могут быть истолкованы" (Lionz, 1981, p.73-74).

Самым интересным примером "неопределенного" и "неопределимого" концепта из тех, что приводились в лингвистической литературе, является, безусловно, концепт `игры`, который впервые был рассмотрен Л.Витгенштейном в его знаменитом отрывке в "Философских исследованиях" (Wittgenstein, 1953, p.31–32) и к которому впоследствии несчетное число раз возвращались другие авторы: лингвисты, философы, психологи и пр. Витгенштейн полагал, что понятия взаимосвязаны друг с другом, что между ними возникает что-то типа отношения "семейного сходства" и им нельзя дать точного определения в терминах дискретных семантических единиц. По его мнению, невозможно ухватить смысловой инвариант такого понятия, как, например, `игра`, поскольку все разные частные реализации `игры` имеют лишь то общее, что можно обозначить крайне неопределенным термином "семейное сходство", не членимым на более понятные составные компоненты.

Идея Витгенштейна относительно "семейного сходства" сыграла колоссальную роль в развитии того, что сегодня называется "прототипической семантикой", и приобрела в современной литературе по семантике статус неопровержимой догмы (см., в частности, Jackendorf, 1983; Backer and Hacker, 1980; Lakoff, 1986). Новый лозунг: "Против семантических определений" – сейчас можно встретить даже в названиях ряда научных публикаций (см., например, Fodor et al., 1980). В атмосфере сформировавшегося единого мнения каждый, кто вообще пытается давать семантические определения чему-либо, рискует быть обвиненным в старомодности: на этого человека будут смотреть как на аутсайдера,

интересы которого лежат вне современной интеллектуальной парадигмы. От ученого, чья исследовательская деятельность связана с семантикой языка, который хочет слыть современным и находиться в сфере внимания научной общест-венности, ожидают не рассуждений о толкованиях, а разговора о семейных сходствах, прототипах и неопределенности человеческого мышления.

"Современная" точка зрения на сей счет состоит в том, что слова не могут быть истолкованы, поскольку значения, закодированные в естественных языках, в основном "расплывчатые", как и человеческое мышление вообще. Иногда, впрочем, признают, что "по практическим соображениям" семантические опре-деления могут оказаться полезными, однако такие "практические задачи" слынут малоинтересными и обычно их оставляют решать лексикографам; подразумева-ется, что теоретики должны посвящать себя более важным и более достойным вещам. Замечательно при этом, что, по-видимому, никто всерьез не считает сло-варные определения хорошими, но пытаться их улучшить или разрабатывать методы, которые бы позволяли это сделать, не считается ни необходимым, ни возможным; во всяком случае, это не то, на что следует тратить свои силы теоре-тикам языка и мышления. К занятию, уделять внимание которому не считали для себя заторным Лейбниц, Спиноза, Юм и Сэпир, большинство теоретиков языка второй половины XX в. относятся как к умаляющему их достоинство.

В этой обстановке изменившегося научного климата даже те ученые – теоре-тики языка, которые не утверждают, что мышление является "неопределенным", уверенно заявляют, что слова не могут быть адекватно истолкованы, и выдают это свое открытие за "добрую весть" или, по крайней мере, относятся к нему как к чему-то, о чем нет никаких оснований беспокоиться. Так, Хомский пишет: "Каждому, кто хоть раз пробовал дать толкование какому-нибудь слову, прекрас-но известно, сколь это трудно, – ведь всякий раз приходится иметь дело с очень сложными и замысловатыми свойствами. Обычные словарные определения да-же близко не подходят к истинному описанию значений" (Chomsky, 1987, p.21). Все это, конечно, абсолютно верно и не вызывает никаких возражений, однако далее Хомский пишет: "Скорость и точность, с какой происходит обучение детей словарю, не оставляют никакой альтернативы выводу о том, что ребенок каким-то образом овладевает понятиями еще до своего первого языкового опыта и при изучении языка усваивает в основном ярлыки, которые называют понятия, уже составившие часть его концептуального аппарата. Именно поэтому словарные определения, несмотря на то что они очень неточные, могут оказаться вполне достаточными для цели обучения; тут вполне хватает даже грубых, приблизи-тельных описаний, поскольку основные законы, управляющие значением и употреблением слов (каковы бы они ни были), хорошо известны как пользовате-лю словарем, так и изучающему язык, независимо от его образования и опыта" (Chomsky, 1987, p.21).

Представим себе, однако, ребенка или иммигранта, пытающегося узнать, что значит слово *insinuate*, и читающего в толковом словаре Вебстера (Webster's..., 1965), что *insinuate* значит `to suggest or hint indirectly` (косвенно предполагать что-л., намекать на что-л.), *hint* означает `to suggest` (предполагать), а *hint* озна-чает `a suggestion, an indirect allusion` (предположение, косвенное указание на что-л.), а *suggest* – это `hint, insinuate` (намекать, косвенно предполагать что-л.). Узнает ли этот человек – с помощью своего "концептуального аппарата", – что же означает слово *insinuate* и как оно употребляется? [...]

Что касается ключевых концептов далеких друг от друга культур – таких, как, например, концепты *amae* в японской или "госка" в русской культуре, – то мысль о том, что ими в состоянии овладеть носитель иной культуры, не имеющий каких-либо предварительных "инструкций и опыта", кажется еще более фантастичной, а предположение, что подобные понятия не нуждаются в адекватных определениях, – еще более бесполезным. Можно, разумеется, нам возразить, сказав, что Хомский имел в виду процесс овладения детьми первым

языком, а не понимание других языков и культур. Однако, овладевая базовой лексикой родного языка, дети вообще обходятся без словарей. Словари нужны прежде всего тем, кто приступает к изучению второго языка, причем для этого требуются хорошие словари, а не плохие.

Но более всего поражает в суждениях Хомского отсутствие в них всякой перспективы культурно-типологических исследований и полное игнорирование им того факта, что слова в разных языках и разных культурах имеют разные значения. Для каждого человека, изучающего тот или иной язык или культуру, словарь является предметом первой необходимости, а потому очень странно слышать от лингвистов, что, сколь бы ни были плохи существующие словари, нет никакого смысла пытаться их усовершенствовать, ибо всегда можно опереться на свой генетически врожденный концептуальный аппарат! У каждого, кто решил серьезно взяться за изучение другого языка или другой культуры, "открытие", что слова не могут быть истолкованы ("по причинам, любопытным с теоретической точки зрения"), ничего, кроме неприятных ощущений, вызвать не может. Но, к счастью, это утверждение ложно. Как указывают Армстронг и др. (Armstrong et al., 1983, p.268), "единственно правильный ответ [на вопрос, почему столь сомнительным кажется интерпретационный подход] заключается в том, что теорию и методику построения толкований языковых единиц очень сложно разработать в той мере, в какой это необходимо. Никому еще не удалось найти предположительно самые простые категории (признаки)". На самом деле, однако, лишь очень небольшое число лингвистов пыталось искать "самые простые категории", а среди тех, кто это делал, многие шли по ложному пути в поисках признаков вместо слов. Между тем, как я уже говорила выше, для толкований нужны не искусственные признаки или маркеры, а естественный семантический метаязык, извлеченный из естественного языка и потому интуитивно понятный. Причина, по которой "словарные определения не проясняли значения", заключается в том, что крайне мало лингвистов пыталось строить эти определения или разрабатывать логически последовательную теорию, на базе которой можно было бы конструировать адекватные дефиниции.

Серьезные лексикографические исследования, опирающиеся на прочный теоретический фундамент, еще только начинаются. Их успех, помимо всего прочего, будет зависеть от того, насколько плодотворными окажутся постоянные поиски основных "человеческих понятий", или универсальных семантических атомов, из которых строятся все сложные мысли и понятия и в терминах которых могут быть объяснены все элементарные понятия каждого естественного языка. Успех данного предприятия будет также зависеть и от критической переоценки бытующего модного предрассудка, согласно которому человеческое мышление является "неопределенным", а значения не поддаются точному и строгому анализу. Разумеется, вполне возможно, и даже весьма вероятно, что в дополнение к универсальному множеству элементарных концептов будут открыты некоторые общие принципы строения семантической структуры, облегчающие освоение значений. Но если такие принципы и существуют, то обнаружить их можно только в результате систематических лексикографических исследований, базирующихся на широком и разнообразном в языковом и культурном отношении материале. Это еще одна причина, почему лингвисты должны заниматься такого рода исследованиями, а не относиться к ним как к ненужным или неважным.

7. "БОЖЕСТВЕННАЯ ИСТИНА" И "ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ"

Нет ничего на свете, что человек мог бы изучать с точки зрения, вынесенной за пределы культуры, будь то конкретные культуры, языки, животные или камни. Как исследователи мы постоянно пребываем в некоторой культуре, и

нас неизбежно ведут за собой те или иные принципы и идеи, которые, как мы знаем, не обязательно разделяются всеми человеческими расами.

Нам также приходится опираться на некие начальные принципы: мы не можем приступить к исследованиям, находясь в абсолютном понятийном вакууме. Важно, однако, что по мере продвижения вперед мы пытаемся различить, что в нашем понятийном аппарате обусловлено характеристиками той культуры, к которой мы принадлежим, а что может быть, по результатам некоторого анализа, отнесено просто к общечеловеческим понятиям.

В прошлом мотивы развития западной науки и философии были в значительной степени связаны с желанием найти истину (объективную, не зависящую от культуры, "Божественную истину")⁶. Однако в то же самое время истина была и нередко продолжает быть глубоко этноцентричной. Например, многие психологи (и даже многие антропологи) в своих изысканиях некритически опираются на такие понятия, как `душа`, `гнев`, `страх` или `депрессия`, рассматривая их как существенные стороны "человеческой природы", очевидно, даже не подозревая, что все эти понятия являются культуроспецифичными.

В антропологии такие понятия, как `прямой, происходящий по прямой линии от кого-либо`, `боковой, родственной по боковой линии`, `поколение`, `нисходящий, потомок` и `восходящий, идущий по восходящей линии к предкам`, обычно применяются для описания имен родства, причем часто говорят, что эти понятия не только служат удобным средством описания отношений родства, но и являются "частью" значений соответствующих эскимосских, таитянских или зууских слов. Философы в своих рассуждениях нередко опираются на такие понятия, как `свобода`, `мужество`, `справедливость` или `обещание`, не пытаясь критически их осмыслить и даже не подозревая, что они, может быть, тоже являются порождением конкретной (их собственной) культуры (см., например, Searle, 1969). Даже лингвисты иногда заявляют, что некоторые "простые слова" их родного языка ("стол", "стул" и "убеждать") обозначают генетически врожденные и универсальные человеческие понятия.

Опасен, однако, не только этноцентризм. Не меньше опасности на путях поиска истины и в ходе научного изучения языка, мышления и культуры таит в себе культурный релятивизм. Говоря о культурном релятивизме Ницше, Блум отмечает, что "в центре его [Ницше] внимания постоянно был вопрос: "Как возможно делать то, что делаю я?" Ницше пытался применить положения теории культурной относительности к своему собственному мышлению. Практически никто больше этого не делает. Так, Фрейд считал основными мотивами поведения людей сексуальные желания и жажду власти, но сам он никогда не использовал эти понятия для объяснения развития своей науки и собственной научной деятельности" (Bloom, 1987).

И при анализе универсальных, и при анализе культуроспецифичных языковых значений следует всегда с большой осторожностью использовать те понятия, которые были созданы данной культурой и которым она отводила роль

⁶ Истина принадлежит к числу самых важных моральных идеалов культуры Запада, а потому поиски истины являются составной частью этой культуры. Между тем на свете есть много языков, где даже нет слов для обозначения понятий `истина` и `истинный`, а также есть много культур, не уделяющих истине столько внимания, сколько уделяет ей Запад (ср. Lutz, 1987). Разумеется, это не означает, что мы должны оправдываться за свой выбор идеала истины в качестве ориентира или чувствовать себя обязанными отмежеваться от нее, как это сделали, например, Лаков и Джонсон (Lakoff and Johnson, 1980). Но нам не следует думать, что мы можем опираться на понятие истины как на основное средство описания иных языков и культур. С другой стороны, понятия `хороший` и `плохой`, видимо, находятся среди универсальных человеческих понятий (хотя в случае с `хороший` для этого имеется больше оснований, чем с `плохой`; ср. Hill, 1987), равно как `думать` и `знать`.

универсальных, культурно-свободных средств описания. Вместе с тем надо понимать, что некоторые из таких средств нам просто необходимы. Мы тоже должны спросить себя: "Как возможно делать то, что делаю я?"

Будучи людьми, мы не можем поместить себя вообще вне всех культур. Это, однако, не означает, что описывать другие культуры мы не можем иначе, как через призму своей собственной, и потому описание вынужденно будет искаженным. Можно найти точку зрения, которая будет общей и культурно-независимой, но ее следует искать не за пределами всех мыслимых человеческих культур (потому что мы не в состоянии поместить себя вне всех культур вообще), а внутри своей культуры или той культуры, с которой мы близко знакомы. Чтобы эти поиски в конце концов увенчались успехом, мы должны научиться отделять – внутри данной культуры – характеристики, свойственные только ей одной, от характеристик универсальных, присущих всем культурам. Мы должны научиться в каждой конкретной культуре находить "человеческую природу". Это необходимо не только для анализа самой этой природы, но также и для изучения идиосинкретичных свойств любой интересующей нас культуры. Для описания специфических черт различных культур требуется универсальная перспектива и независимый от культуры аналитический подход. Теоретический каркас такого подхода могут составить универсальные человеческие понятия, то есть понятия, присущие каждому естественному языку. [...]

Невозможно понять далекую культуру "в ее собственных терминах", не поняв ее в терминах "наших". Для подлинного "человеческого понимания" нам нужно найти термины, которые одновременно были бы и "ее" и "наши", нужно найти общие термины, или, иначе говоря, универсальные человеческие понятия.

Интересно, что, по-видимому, еще Уорф открыл факт существования универсального множества концептов (он называл их "представлениями"): "Само существование единого для всех языков набора представлений, возможно, со своими, пока еще не изученными правилами аранжировки, – писал он, – еще не вполне оценено по достоинству. Тем не менее мне кажется, что подобные общепредставления являются необходимым средством для передачи идей посредством языка; они управляют законами коммуникации и образуют в некотором смысле универсальный язык, вход в который обеспечивается различными конкретными языками" (Whorf, 1956, p.36). Между поиском истины, "Божественной истины", и поиском взаимопонимания, "человеческого понимания", нет внутреннего конфликта. Истинная природа "человеческого понимания", как я полагаю, заключается в том, что оно базируется на универсальном, предположительно, врожденном "алфавите человеческих мыслей", который дает нам ключ к пониманию других людей и других культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Лейбниц Г.В.** Новые опыты о человеческом разумении. В: Г.В.Лейбниц. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1983, т.2.
- Локк Дж.** Опыты о человеческом разумении. В: Дж.Локк. Сочинения. В 3 т. М.: Мысль, 1985, т.1–2.
- Apresjan J.** Tipu informacii dlja poverxnostnogo semanticeskogo komponenta modeli smysl-tekst // Wiener Slavistischer Almanach, 1980, Sonderband 1.
- Armstrong S.L., Gleitman L., Gleitman H.** What Some Concepts Might Not Be // Cognition, 1983, v.13, p.263–308.
- Baker G.P. and Hacker P.M.S.** Wittgenstein: Understanding and Meaning. Oxford: Blackwell, 1980.
- Berlin B. and Kay P.** Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

- Bloom A.** The Closing of the American Mind: How Higher Education Has Failed Democracy and Impoverished the Souls of Today's Students. New York: Simon and Schuster, 1987.
- Chomsky A.N.** Reflections on Language. New York: Pantheon, 1975.
- Chomsky A.N.** Language in a Psychological Setting // *Sophia Linguistica* (Tokyo), 1987, v.22, p.1-73.
- Cooke J.** Pronominal Reference in Thai, Burmese, and Vietnamese. Berkeley: University of California Press, 1968.
- Crowley T.** The Middle Clarence Dialects of Bandjalang. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978.
- Dixon R.M.W.** The Languages of Australia. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Fodor J.A., Carrett M.F., Walker E.C., Parkes C.H.** Against Definitions // *Cognition*, 1980, v.8, p.263-267.
- Halle M., Bresnam J., Miller G.** (eds.). *Linguistic Theory and Psychological Reality*. Cambridge (MA): MIT Press, 1978.
- Herder J.G. von.** *Sämtliche Werke*. B.Suphan. (Hg). Berlin: Wiedemann, 1877-1913.
- Hill D.** A Cross-Linguistic Study of Value-Judgement Terms. M.A. Thesis, Australian National University, 1987.
- Holland D. and Quinn N.** (eds.). *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Holmer N.M.** Notes on the Bandjalang Dialect Spoken at Coraki and Bungawalbin Creek, NSW. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1971.
- Humboldt H.W. von.** *Wilhelm von Humboldts Werke*. 17.Bde. A.Leitzmann (Hg.). Berlin: B.Behr, 1903-1936.
- Humboldt H.W. von.** *Schriften zur Sprachphilosophie*. 5.Bde. Stuttgart: J.G.Gotta, 1963.
- Jackendoff R.** *Semantics and Cognition*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983.
- Kefer M. and Auwera J. van der** (eds.). *Meaning and Grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Lakoff G.** *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago: Chicago University Press, 1986.
- Lakoff G. and Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press, 1980.
- LDOCE.** *Longman Dictionary of Contemporary English*. P.Procter (ed.). London: Longman, 1978.
- Leibniz G.W.** *Opuscules et fragments inédits de Leibniz*. L.Couturat (ed.). Paris, 1903. Preprinted in 1961, Hildesheim: Georg Olms Buchhandlung.
- Lutz C.** Goals, Events and Understanding in Ifaluk Emotion Theory: In: Holland and Quinn, 1987, p.290-312.
- Lyons J.** *Language, Meaning and Context*. Bungay (Suffolk): Fontana, 1981.
- Miller G.** Semantic Relations Among Words. In: Halle, Bresnan, and Miller, 1978, p.60-118.
- Nida E.A. and Taber C.R.** *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E.J.Brill, 1969.
- Russel H.** Second-Person Pronouns in Japanese // *Sophia Linguistica* (Tokyo), 1981, v.8, no.9, p.116-128.
- Sapir E.** Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Berkeley: University of California Press, 1949.
- Searle J.R.** *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Swadesh M.** Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // *International Journal of American Linguistics*, 1955, v.21, p.121-137.

- Webster's New School and Office Dictionary.** New York: The World Publishing Co./Crest Books, 1965.
- Whorf B.L.** Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. J.B.Carroll (ed.). New York: Wiley, 1956.
- Wierzbicka A.** Semantic Primitives. Frankfurt: Athenäum, 1972.
- Wierzbicka A.** *Lingua Mentalis: The Semantic of Natural Language.* Sydney: Academic Press, 1980.
- Wierzbicka A.** Boys Will Be Boys: Radical Semantics vs. Radical Pragmatics // *Language*, 1987a, v.63, no.1, p.95-114.
- Wierzbicka A.** *English Speech Act Verbs: a Semantic Dictionary.* Sydney; New York: Academic Press, 1987b.
- Wierzbicka A.** L'amour, la colère, la joie, l'ennui: la sémantique des émotions dans une perspective transculturelle // *Langages*, 1988a, v.89, p.97-101.
- Wierzbicka A.** *The Semantics of Grammar.* Amsterdam: John Benjamins, 1988b.
- Wierzbicka A.** Dusa ('soul'), toska ('yearning'), sud'ba ('fate'): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture. In: Z.Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie jesukow slowianskiskh.* Bialystok: Bialystok Univ. Press, 1990, p.13-36.
- Wierzbicka A.** Lexical Universals and Universals of Grammar. In: Kefer and van der Auvera, 1991, p.385-415.
- Wittgenstein L.** *Philosophical Investigations.* New York: Macmillan, 1953.